

Published @ 2017 Trieste Publishing Pty Ltd

ISBN 9780649211753

by .-i

Except for use in any review, the reproduction or utilisation of this work in whole or in part in any form by any electronic, mechanical or other means, now known or hereafter invented, including xerography, photocopying and recording, or in any information storage or retrieval system, is forbidden without the permission of the publisher, Trieste Publishing Pty Ltd, PO Box 1576 Collingwood, Victoria 3066 Australia.

All rights reserved.

Edited by Trieste Publishing Pty Ltd.
Cover @ 2017

This book is sold subject to the condition that it shall not, by way of trade or otherwise, be lent, re-sold, hired out, or otherwise circulated without the publisher's prior consent in any form or binding or cover other than that in which it is published and without a similar condition including this condition being imposed on the subsequent purchaser.

www.triestepublishing.com

. -|

Rogachevskii, Vasilii Lvovich

В. ЛЬВОВЪ - РОГАЧЕВСКІЙ.

ДВѢ ПРАВДЫ.

Книга о Леонидѣ Андреевѣ.

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

.....

КНВО „ПРОМЕТЕЙ“
Н. Н. МИХАЙЛОВА.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

	СТР.
I.	
Двѣ правды	1
II.	
Дѣтство, отрочество и юность	17
III.	
Первые литературные шаги	33
IV.	
Первый томъ и критика	43
V.	
Надъ бездной	50
VI.	
Бурные годы	63
VII.	
Шаги смерти	71
VIII.	
Злой городъ	83
IX.	
Походъ противъ Леонида Андреева	111

	X.	
Разсказъ о семи повѣщенныхъ		118
	XI.	
Побѣда смерти		123
	XII.	
„Катерина Ивановна“		140
	XIII.	
„Не убій“ (Каннова печать)		150
	XIV.	
Эдгаръ По и Леонидъ Андреевъ		169
	XV.	
Какъ работаетъ Леонидъ Андреевъ		186
Л. Андреевъ о московскихъ „Средахъ“		212
Библиографія		214

I.

ДВѢ ПРАВДЫ.

При слабомъ свѣтѣ, сѣромъ и безцвѣт-
номъ, голова преданнаго заклятью кажется
огромной. Особенно великъ его высокій,
кулообразный лобъ, изрѣзанный морщи-
нами высокихъ думъ и неразрѣшимыхъ, изъ
вѣка поставленныхъ вопросовъ.

Леонидъ Андреевъ: „Апатема“.

Безумный Лоренцо, я зажечь свѣтъ на
башнѣ. И сюда проникли ты, кого я не звалъ.
И погаснетъ свѣтъ на башнѣ. И одѣнется
мракомъ душа. И возрадуется о тебѣ, мой
повелитель, мой господинъ, Владико міра —
Сатана.

Л. Андреевъ: „Черная Маска“.

„И навѣкъ заключенъ въ эту голову, въ
эту тюрьму“.

Л. Андреевъ: „Мысль“.

Въ недавно вышедшей книгѣ П. Гзеля „Родень. Искусство“
авторъ рассказываетъ о томъ, что онъ пережилъ въ мастер-
ской гениальнаго скульптора современности, когда остановился
передъ слѣпкомъ одной изъ самыхъ сильныхъ его вещей.

Прекрасная молодая женщина томится какой-то таинствен-
ной мукой: *суровыя страданія* пробѣгаютъ по ея тѣлу, голова
низко опустилась, уста и вѣки сомкнулись: она будто спитъ.
Но искаженные черты лица выдаютъ *драматическую напря-
женность ея мысли*.

Зритель смотритъ на нее съ недоумѣніемъ, но онъ окон-
чательно озадаченъ, когда замѣчаетъ, что у этой фигуры *нѣтъ
ни рукъ, ни ногъ*. Точно художникъ разбилъ ихъ въ порывѣ
недовольства самимъ собою. И поневолѣ жалѣешь, что такая
сильная вещь производитъ неполное впечатлѣніе, и оплаки-
ваешь ея жестокія увѣчья.

Когда у Гзелля помимо воли проскользнуло это чувство, Родэнъ удивился и объяснилъ, что статуя, изображавшая „созерцаніе“, нарочно оставлена въ этомъ состояніи. „У ней нѣтъ ни рукъ, ни ногъ; ни двигаться, ни дѣйствовать она не можетъ, но развѣ вы не замѣтили, что очень напряженное мышленіе подсказываетъ такіе вѣскіе *аргументы въ пользу самыхъ противоположныхъ рѣшеній, что въ итогъ получается бездѣйствіе?*“

Когда спутникъ Родэна еще разъ взглядылся пристально въ лицо символической женщины, заглянулъ въ душу мрамора и за вѣншей правдой почувствовалъ ея внутреннюю правду, онъ понялъ, что эта женщина—эмблема человѣческаго разума, стоящаго передъ загадками, которыя онъ не въ состояніи разрѣшить, передъ идеаломъ, котораго онъ не можетъ достигнуть, передъ безконечнымъ, котораго онъ не можетъ обнять.

Эту бесѣду со скульпторомъ, создавшимъ „Мысль“ и „Мыслителя“ я вспомнилъ теперь, когда остановился въ мастерской Леонида Андреева, тоже художника „Мысли“, передъ веренищей образовъ, передъ прекрасной фигурой женщины, съ судорогой страданья, пробѣгающей по тѣлу, передъ ея искаженными чертами, выдающими драматическую напряженность мысли.

Здѣсь аргументы тоже—въ пользу самыхъ противоположныхъ рѣшеній, здѣсь тоже—мучительное раздумье и мучительное бездѣйствіе.

Съ этимъ раздумьемъ и судорогой страданія пришелъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ Леонидъ Андреевъ въ литературу и эту же муку неразрѣшимости, неразрѣшенности и нерѣшительности несетъ онъ своимъ читателямъ.

„Начинаются времена Максима Горькаго“—говорилъ Леонидъ Андреевъ въ 1898 году въ періодъ увлеченія Горькимъ, въ періодъ своего воинствующаго оптимизма. „Начинаются времена Леонида Андреева“ можно было бы сказать о пережитомъ уже нами первомъ десятилѣтіи XX вѣка.

Передъ авторомъ Саввы, какъ и передъ творцемъ Раскольникова—Ф. М. Достоевскимъ, этимъ жестокимъ талантомъ, прсклявшимъ человѣка, какъ передъ Иваномъ Карамазовымъ встаютъ „вопросы съ другого конца“, и онъ бьется о „Стѣну“ непознаваемаго, „стучитъ въ желѣзныя, наглухо за-

крытыя ворота, знаменующія предѣлы умопостигаемаго міра“.

Свой первый томъ Леонидъ Андреевъ выпустилъ въ періодъ, когда въ литературѣ начинался въ средѣ легальныхъ марксистовъ поворотъ къ идеализму, когда В. В. Вересаевъ въ своей повѣсти „На поворотѣ“ отмѣтилъ устремленіе пассивныхъ Токоревыхъ въ сторону мучительнаго раздумья бездѣйствія.

Въ 1901 году 21 ноября бывший марксистъ—экономистъ С. Булгаковъ читаетъ въ Кіевѣ лекцію объ Иванѣ Карамазовѣ

„Еще недавно—говорилъ профессоръ своей молодой аудитории—мы переживали увлеченіе соціальной стороной міровоззрѣнія; если я не ошибаюсь, теперь начинается поворотъ въ сторону метафизики“.

Это былъ поворотъ части россійской интеллигенціи „отъ марксизма къ идеализму“.

Отъ Пушкина къ Лермонтову, отъ Толстого къ Достоевскому зовутъ въ этотъ періодъ Мережковскій, Розановъ и Волынской.

Подъ знакомъ Ф. М. Достоевскаго расцвѣтаетъ творчество Леонида Андреева, но все, что создалъ Ф. Достоевскій, возвышается, какъ средневѣковый соборъ надъ модернизированнымъ замкомъ герцога Леренцо.

Какъ герой „Мысли“ Керженцевъ, онъ можетъ сказать о себѣ: „Я навѣки заключенъ въ эту голову, въ эту тюрьму“, въ эту же тюрьму заключенъ и его Анатэма съ непомерно развитой головой, въ эту же тюрьму заключены его многочисленныя интеллигенты-одиночки, эти тоскующіе „головастики“—индивидуалисты.

Еще въ отрочествѣ Леонида Андреева мучать сомнѣнія и проклятыя, неразрѣшимыя вопросы, и уже тогда, занимаясь живописью, онъ идетъ не отъ готовыхъ впечатлѣній, а отъ собственныхъ мыслей.

„Натуры я не любилъ и *всегда рисовалъ изъ головы*, впадая временами въ комичныя ошибки. Фантазировать я безконечно, былъ у меня огромный альбомъ, рожь штукъ триста, года два или три я провелъ въ мучительныхъ поискахъ демона“.

Такъ пишетъ онъ въ своей автобіографіи, сообщенной Ф. Ф. Фидлеру.

Когда Леонидъ Андреевъ сталъ писателемъ, онъ продол-

жалъ рисовать изъ головы. Даже ужасъ его, къ изображенію котораго всегда возвращается Л. Андреевъ, какой-то головной.

Леонидъ Андреевъ не холодно и безстрашно мыслить, а волнуется, томится своими мыслями, переживаетъ въ своемъ замкѣ то восторгъ, то ужасъ герцога Лоренцо, котораго осаждаютъ „черныя маски“.

И В. Г. Короленко подходилъ къ ужасамъ жизни, и самъ испыталъ эти ужасы, но никогда не царилъ у него Последній Ужасъ надъ всей жизнью, онъ зналъ, онъ былъ увѣренъ, что „разумнымъ безумное станетъ и зло превратится во благо“, и когда ему приходилось скитаться „по черной, какъ чернила рѣкѣ“ онъ видѣлъ всегда впереди огня.

Леонидъ Андреевъ этихъ огней не видѣлъ, не видѣлъ и исхода. Правда, у него „ignis sanat“, но этотъ очистительный огонь свидѣтельствуетъ скорѣе объ отчаяннѣ. „Сумерки“ А. П. Чехова въ его творчествѣ сгустились въ „Тьму“, хмурые люди А. П. Чехова у него превратились въ мрачныхъ разрушителей жизни. И только на моментъ образы художника вспыхиваютъ, какъ магній, чтобы мгновенно уступить мраку и еще болѣе подчеркнуть его.

Уже въ своемъ раннемъ фельетонѣ „Сфинксъ современности“ художникъ съ тоской и ужасомъ заглянулъ въ глаза этому *сфинксу*.

„Самыя противоположныя настроенія—ливнетъ онъ,—самыя непримиримыя начала, самыя враждебныя взгляды тѣсно переплелись въ одинъ сплошной разноцвѣтный комокъ—и нельзя коснуться одного, чтобы не затронуть другое“ (т. 1—53).

Пятнадцать лѣтъ стоитъ художникъ передъ этимъ сфинксомъ, все стремится стать „мудрымъ Единомъ“, и все никакъ не можетъ разрѣшить мучительной загадки.

Живой, прекрасный міръ онъ превращаетъ въ маску идиота, онъ создаетъ, какъ одинъ изъ героевъ его Тюха, „множество рожъ“, онъ видитъ, какъ его докторъ, „Призраки“, онъ—въ плѣну, какъ герцогъ Лоренцо у „масокъ“.

Подобно революціонеру-бомбометателю изъ „Тьмы“, Леонидъ Андреевъ, этотъ художникъ-бомбометатель всегда двигаетъ мысль свою до того крайняго предѣла, за которымъ—пустота или тайна, двигаетъ до „последняго новаго неизвѣданнаго ужаса“, до „последней ужасной правды“ и „последней темной мудрости“.